



С СОБРАНИЙ ПАРТИЙНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХ АКТИВОВ

ЗНАТЬ ЗАПРОСЫ, УВЛЕЧЕНИЯ ЛЮДЕЙ

БАКУ

В день, когда в Баку на собрании партийно-хозяйственных активов республиканского комитета КПСС «О мерах по улучшению использования клубных учреждений и спортивных сооружений»...

здесь свою лепту могут внести и сами предприятия. Надо предосталить им больше самостоятельности в использовании денежных средств, направленных на социальное развитие коллектива.

Для успешного решения ответственных задач в области развития культуры и спорта в республике есть все возможности. Сегодня здесь насчитывается 3.349 клубных учреждений, 1.148 библиотек, 95 музеев, 10.580 спортивных сооружений.

В Баку широко известен своеобразный клуб «Гудис», который возник и сложился еще в официальной культурно-просветительской системе.

ДУШАНБЕ

В Душанбе состоялось собрание партийно-хозяйственных активов республиканского комитета КПСС «О мерах по улучшению использования клубных учреждений и спортивных сооружений».

ЕРЕВАН

Задачи партийных организаций, советских и хозяйственных органов республики по выполнению постановления ЦК КПСС «О мерах по улучшению использования клубных учреждений и спортивных сооружений»...



В Большом театре Союза ССР на заключительном концерте участников международной творческой мастерской классической и современной музыкальной и хореографической искусства...

ТЕАТР — РОВЕСНИК ПОБЕДЫ

В знаменательный день — 9 мая 1945 года — началась творческая биография Дешипрского театра драмы и комедии, искусство которого неразрывно связано с послевоенной историей страны.

«ЗА ДАЛЬНЕЮ ОКОЛИЦЕЙ»

75-летию замечательного советского композитора Николая Павловича Будашина была посвящена передача, которая явилась недавно по Центральному телевидению.

ВОПРОС ВЕКА

И сегодня властно, настоятельно перед каждым мастером культуры стоит вопрос, поставленный М. Горьким...

Коллективный ответ на этот вопрос складывается из фрагментов романов и статей, рецензий, выступлений творческой интеллигенции...

На выставке представлены миниатюрные барельефы произведенные заслуженным мастером народного творчества Украинской ССР...

НОВОСЕЛЬЕ «НЕВИДИМОК»

В просторный реставрированный зал Киевско-Печерского государственного историко-этнографического заповедника...

Удивительно малых размеров его работы. Кинематограф, свободно прощающий сквозные обрывки и фрагменты...

Средний корабль композиции «Время». В глаз обыкновенной женщины художник вмонтировал часы, которые приводятся в действие двумя электродвигателями.

Песни без слов

Спектаклем по мотивам древних грузинских легенд «Кольбельная. Бессмертная открыл вчера свои гастроли в столице Грузинский государственный театр пантомимы.

Своей вклад в дело борьбы с пьянством вносит и другие ленты, как «Соринки» (Красноярск), «Силами общественности» (Туркмени), «Шала» (Украина), «Самая красавица» (Эстония).

ПОЧЕТНЫЕ ЗВАНИЯ

Президиум Верховного Совета РСФСР за заслуги в области советского хореографического искусства присвоил почетное звание «Заслуженный артист РСФСР»:

Вызовой Марии Владимировне — солистке балета Государственного академического Большого театра СССР.

Катунино Юрию Андреевичу — солисту государственного академического хореографического ансамбля «Вережа».

Серовой Людмиле Ивановне — солистке балета Ивановского театра музыкальной комедии.

Президиум Верховного Совета РСФСР за заслуги в области советской культуры и многолетнюю плодотворную работу присвоил почетное звание «Заслуженный работник культуры РСФСР»:

Жукову Владимиру Борисовичу — главному режиссеру отдела Главной редакции радиовещания для молодежи Государственного комитета СССР по телевидению и радиовещанию.

Малышевой Екатерине Емельяновне — директору Дворца бракосочетания № 3 города Москвы.

Муштаеву Владиславу Павловичу — заместителю главного редактора Главной редакции научно-популярных и учебных программ Центрального телевидения.

Недзуну Анатолию Константиновичу — главному помощнику Всесоюзного института ассортимента изделий легкой промышленности и культуры одежды, город Москва.



ТРЕЗВО О ПЬЯНСТВЕ

ВСЕМ АРСЕНАЛОМ СРЕДСТВ

Ребятишки с недейской тоской глядящие на меня, некоричневые и одетые в асептические ободоленья. Сырты при живых родителях, мальши, лишние самого необходимого — материнской ласки.

Московские документалисты фильм под условным пока названием «Уберечь от бедки. Молодой режиссер Т. Сабарод задумала его как фильм-предостережение. Из выводов у зрителя будет достаточно красочных фантов — и выпрыгивать и колонна для малолетних преступников, и шорола для умственно отсталых детей.

А праздник продолжается

Ушел, стал историей XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов, но по-прежнему переполнен его Парк искусств.

Такого еще не бывало, — говорит директор ЦПКЮ им. Горького Павел Киселев. — За десять фестивальных дней наш парк посетили два миллиона человек.

И неудивительно — ведь здесь показывали свое мастерство 1.411 советских и зарубежных коллективов. А в общей сложности это 60 тысяч человек.

Огромным успехом пользовалась плавучая сцена Голландского пруда. Здесь звучала музыка Чайковского, в театральном представлении «Волшебный мир балеты»...

Мало кто знает, выпало на долю персонажа парня. Его работа началась в три часа ночи, и к открытию все громадиная территория, а это более 100 гектаров, была убрана с тщательностью и старанием.

Звезда Парк искусства закрывался, но еще не убранный инструмент казакских ювелиров, еще вращается гонимый круг, и глина в руках молдавского мастера обретает форму.

Немало хлопот выпало на долю персонала парка. Его работа началась в три часа ночи, и к открытию все громадиная территория, а это более 100 гектаров, была убрана с тщательностью и старанием.

Звезда Парк искусства закрывался, но еще не убранный инструмент казакских ювелиров, еще вращается гонимый круг, и глина в руках молдавского мастера обретает форму.

Немало хлопот выпало на долю персонала парка. Его работа началась в три часа ночи, и к открытию все громадиная территория, а это более 100 гектаров, была убрана с тщательностью и старанием.

Звезда Парк искусства закрывался, но еще не убранный инструмент казакских ювелиров, еще вращается гонимый круг, и глина в руках молдавского мастера обретает форму.

Немало хлопот выпало на долю персонала парка. Его работа началась в три часа ночи, и к открытию все громадиная территория, а это более 100 гектаров, была убрана с тщательностью и старанием.

Звезда Парк искусства закрывался, но еще не убранный инструмент казакских ювелиров, еще вращается гонимый круг, и глина в руках молдавского мастера обретает форму.

Немало хлопот выпало на долю персонала парка. Его работа началась в три часа ночи, и к открытию все громадиная территория, а это более 100 гектаров, была убрана с тщательностью и старанием.

Звезда Парк искусства закрывался, но еще не убранный инструмент казакских ювелиров, еще вращается гонимый круг, и глина в руках молдавского мастера обретает форму.

Немало хлопот выпало на долю персонала парка. Его работа началась в три часа ночи, и к открытию все громадиная территория, а это более 100 гектаров, была убрана с тщательностью и старанием.

Звезда Парк искусства закрывался, но еще не убранный инструмент казакских ювелиров, еще вращается гонимый круг, и глина в руках молдавского мастера обретает форму.

Немало хлопот выпало на долю персонала парка. Его работа началась в три часа ночи, и к открытию все громадиная территория, а это более 100 гектаров, была убрана с тщательностью и старанием.

Звезда Парк искусства закрывался, но еще не убранный инструмент казакских ювелиров, еще вращается гонимый круг, и глина в руках молдавского мастера обретает форму.

Немало хлопот выпало на долю персонала парка. Его работа началась в три часа ночи, и к открытию все громадиная территория, а это более 100 гектаров, была убрана с тщательностью и старанием.

Звезда Парк искусства закрывался, но еще не убранный инструмент казакских ювелиров, еще вращается гонимый круг, и глина в руках молдавского мастера обретает форму.

Немало хлопот выпало на долю персонала парка. Его работа началась в три часа ночи, и к открытию все громадиная территория, а это более 100 гектаров, была убрана с тщательностью и старанием.

Звезда Парк искусства закрывался, но еще не убранный инструмент казакских ювелиров, еще вращается гонимый круг, и глина в руках молдавского мастера обретает форму.

Немало хлопот выпало на долю персонала парка. Его работа началась в три часа ночи, и к открытию все громадиная территория, а это более 100 гектаров, была убрана с тщательностью и старанием.



Виргилиус Норейка:



# САМЫЙ ТОНКИЙ ИНСТРУМЕНТ

Популярность Виргилиуса Норейки необычайно широка. Прекрасный певец, народный артист СССР, чей голос звучал едва ли не во всех уголках Родины, во многих зарубежных странах, ведет и активную, разнообразную общественную работу: он председатель правления Литовского театрального общества, директор

и художественный руководитель Академического театра оперы и балета Литовской ССР, депутат Верховного Совета республики. Его призвание — опера, поэтому первый вопрос, на который хотелось бы прежде всего услышать ответ, — каковы взгляды на современное положение оперного жанра!

— Вообще мне кажется надуманной сама постановка вопроса: устарела ли жанр? Ничья история обрывается вторично, несовершенное в любой области творчества. Но человеческий голос остается во веки веков самым драгоценным и выразительным инструментом, раскрывающим душу человека, передающим его красоту, биение его сердца. И никакая техника, никакая электроника живой голос певца не заменит. Потребность пения — в самой человеческой природе, и устареть эта потребность не может. Надо только уметь, талантливо ее реализовать.

— Но ведь опера — только одна из форм певческого искусства. Есть и другие. Может быть, они-то и идут на спад?

— Только плохой опере и плохому театру. В иных оперных театрах реальная посещаемость зрительных залов упала до 30—35 процентов. Причины тому много. Одна из них — система абонементов, которую в категорически отвергают. Приходящий в театр с тысячекратным билетом — билетом нет, а на спектакле присутствуют всего несколько десятков зрителей. Потому что какое-то предприятие закупает все абонементы в этот театр. В отчетах — полный порядок, аншлаги, почетные места в соревновании за выполнение плана. А публики нет... Такая система не способствует защите оперного жанра.

Очень рад, что в нашем театре без всяких абонементов посещаемость всегда близка к полному залу. Общеизвестно, попасть на наши спектакли трудно. Это и радует, и налагает особую ответственность. Мы стараемся так вести дело, чтобы люди приходили к нам, как на праздник, чтобы почувствовали, что в театре все возвышено, одухотворено, красиво, правдиво.

Да и с другой стороны мы не вправе забывать, певцу, певцу, помогающему нашему благополучному существованию, если можно так сказать, народные «мечетаны». Ведь каждый оперный спектакль недешево обходится: большие составы участников — симфонический оркестр, солисты-вокалисты, хор, балет. Без государственной дотации ни один оперный театр не может существовать. Получая народные деньги, мы обязаны рассчитывать, отплатить за них своим красивым, нужным зрительным искусством.

— Читателю будет интересно узнать, каковы, певцу, видятся перспективы оперного театра? Могут ли оказаться на него заметное влияние те тенденции и процессы, которые характеризуют современную эстраду?

— Какой-то принципиально новой системы исполнительства я пока не вижу. Музыкальный язык современной эстрады, а вокальная школа остается прежней. Мы поем на основе тех традиций, которые нужны для исполнения опер «bel canto» («красивое пение»), и чувствуем себя хорошо в этом репертуаре. Другой школы мы не имеем. Другой методики нет. А современные композиторы критикуют нас, певцов, за то, что мы редко выносим в концертный репертуар их произведения.

— Но пишут ли они оперы?

— Пишут, и чаще всего экспериментарно. А ведь эскиз и законченное произведение далеко не одно и то же. К сожалению, подчас авторы предлагают свои эскизы в качестве готовых произведений. Спорю нет, творческий поиск очень важен, но в опере, во воплощении на сцене набросков, на мой взгляд, небрежно. У многих композиторов преобладает стремление рассматривать человеческий голос как обыкновенный оркестровый инструмент.

Это большая ошибка. Надо беречь голос певца. «Портить» его сафоновыми гулами, глушить густой оркестровкой, предельно высокими нотами, значит, лишать его главного — красоты тембра. Конечно, человеческий голос — это инструмент, но живой, ранимый инструмент.

В эстраде есть очень интересные начинания, особенно когда голос транслируется как соли — ведущий инструмент. Есть много прекрасных эстрадных исполнителей, но, к сожалению, чаще всего в эстраде артисты поют... на уровне ребенка. Они понятия не имеют (да никто и не требует этого), что пению хоть чуть-чуть надо обучаться.

— Вы ведь сами, кажется, начинали с эстрады?

— Да, я был эстрадным певцом в студенческие годы, но всегда мечтал об опере. Теперь в моем арсенале — около сорока оперных партий и тысяча концертных арий, романсов, песен. Скоро буду петь на своем четвертьсотом концерте. Концертную деятельность начал девятинадцатилетним, в 1954 году. Читатели молодежного журнала, представьте, считали меня тогда самым популярным в Литве эстрадным певцом. В то время эстрада была не такой, как теперь, мы не заглаживали микрофонами, эстрадный оркестр не глушил, солисты, хотя артисты часто выступали без усилителей.

— Вы ведь с самого детства? Задолго до поступления в консерваторию?

— Да, сколько я себя помню, пел. А теперь меня пугает положение некоторых детских хоров. Боюсь, что чем их больше, тем меньше будет хороших певческих голосов. Потому что детские хоры подчас исполняют такие вещи, при которых хрупкий голос ребенка изнашивается; дети кричат, перенапрягая связки, поют не в своем, детском диапазоне.

— В какой «форме» вы себя сейчас чувствуете как певца? Что вас в собственном творчестве не удовлетворяет?

— Вы задали вопрос, требующий исповедального ответа. Есть законы природы, которые распространяются на каждого певца. Сейчас мне не удается то, что когда-то давалось легко. Но зато теперь мне вполне доступно то, что некогда казалось невозможным. Лет десять назад мне было совсем не трудно фиксировать звук на крайних верхних нотах. Сейчас сделать это сложнее. Но зато когда-то мне не удавалось добиваться большой силы звука, а сейчас это вполне достижимо. Что-то потерял, что-то обрел с годами. Рад, что в моем голосе не появились «начинки», хрипотцы, как мы, вокалисты, называем это — «песна». Может быть, звук стал чуть тяжелее, зато открылись новые возможности, появился новый репертуар. Я, наверное, сейчас уже «тенор-спинто» (лирико-драматический).

— Ваш идеал певца? Кто из певцов вы считаете для себя примером, достойным подражания?

— Подражать никогда не надо: надо уметь петь своим голосом. А ирается мне много. Но одно дело, когда как профессионал я изучаю произведение, слушаю, как исполнили его другие. Другое дело, воспринимать искусство певца, будучи слушателем.

Странная история произошла со мной: как-то переосмыслил ценности. Некоторые певцы, которых я в молодости не принимал, теперь кажутся мне большими художниками. Когда органически соединится богатейшая природа с высшим мастерством, с владением

БЕСЕДЫ О МАСТЕРСТВЕ

ЭСТРАДА В ЛИЦАХ

## Человек-оркестр

Яростно отбивая дробь удерни, его смеялся гитарист, затаивший Динни Марьяди и рок-группа, а на сцене находилась всего один молодой человек. «Под фонограмму работайте», — сказал кто-то из сидящих за сценой. Зрители с увлечением продолжали слушать очередные «выступления»: группы «Кружа» и «Аватор». Пародист Алексей Птицин давал концерт... Алексей родился в семье цирковых артистов. Родители — заслуженные артисты РСФСР акробаты Рамса Калюна и Михаил Птицин часто брали Алексея с собой на репетиции, в гастрольные поездки. Он с детства научился жонглировать, делать головокружительные трюки, прыжки. Все было уверено, что он продолжит династию. Но у мальчишки детства была еще одна склонность — к имитации. Он всегда кого-то изображал. Например, группу «Битлз» или актеров театра и кино. Он встретил Бориса Сергеевича Брюна. А тот, узнав о его увлечении, взял Алексея к себе в ученики. Так произошло его знакомство с большой эстрадой.

Алексей в течение нескольких месяцев не пропустил ни одного выступления известного концертанта. Вслушиваясь в каждое его слово, следил за построением программы, которые всегда были точно продуманы. Все это Алексей полюбил, когда он стал работать над своим программным материалом. А пока были армия, затем оркестр под управлением Леонида Утесова, где он стал прозывать себя как певца. И в то же время продолжал заниматься пародией. Имитировал звучание инструментов. Затем пришел послушаться в отдел оригинальных жанров Москонцерта, и руко-

водство его направил на учебу во Всероссийскую творческую мастерскую эстрадного искусства. Его преподавателем стал режиссер Рамса Мухометшина, которая помогла Алексею подготовить его юморный номер — «Золотой диск». Алексей выходя на сцену с пластилином, крутил его на пальце и изображал своим голосом все то, что на ней было записано: подражал звукам музыкальных инструментов, певцов. Старался передать все один. Думается, что нет необходимости объяснять, насколько труден этот номер, давая проработать номер. Он отыскал оригинальное художественное решение. И всегда с признательностью вспоминает о своем педагоге, создавшем этот номер, который стал его визитной карточкой.

Потом Алексей с режиссером Леонидом Масляковым сделал номер «Дискотека», который помог ему завоевать в 1983 году звание лауреата VII Всесоюзного конкурса артистов эстрады. В том же году он вновь становится лауреатом конкурса «Творчество молодежи», который проходил в Киеве.

От родителей у Алексея «цирковой характер», который позволяет ему всюду успевать: сниматься в кино, на телевидении, озвучивать мультфильмы. Сейчас он постоянный гость популярной телевизионной программы «Вокруг смеха», радиопередачи «С добрым утром!». Много времени проводит на телевидении с режиссером мультфильмов Александром Татарским. Озвучивает его мультфильмы. Идет работа над детским юмористическим журналом «Кубик-Рубик».

А на сцене он неотразим: стремительный, мгновенно заряжающий всех своей энергией, веселый, юмористичный. Он в один миг решает и делает то, что кажется невозможным. И в то же время остается самокритичным: — Не всегда все удавалось, как задумывалось. Были моменты, когда хотелось все бросить. Но продолжал день за днем, и все начиналось сначала. Недавно я получил предложение сняться в телевизионном фильме «Матроски» о жизни в лагере режиссер С. Плоткин. Первый фильм, в котором я снимался, был «Аншлаги». Сейчас собираюсь снять новую пластинку. Пробую записывать диск в рок. А цель — это шоу, сольное представление. Сюда войдут танцы, акробатика, даже езда на мотоцикле. Как всегда, в одном лице. Но... пока это только мечты.



А. РЫБНИКОВА.

Алексей Птицин. Фото В. Шумца.

ИЗ ПОЧТЫ РЕДАКЦИИ

### ПОД СТЕРТУЮ ПЛЕНКУ

С нетерпением мы, горожане, ждали приезда Государственного музыкального театра Керельской АССР, задолго старались достать на спектакли хорошие билеты. Но вот на самих спектаклях, которые мне довелось увидеть, стало происходить что-то странное. Со своих «хороших» мест в перерыв слышал речь актеров и их слова не мог понять, когда исполнялись арии. На спектакле «Сестры Керри» подумал, что это случайность. На втором мюзикле — «Американская комедия» — стал слышать на собственный слух и даме, разразившейся, ушел в антракт. А потом оказалось, что и другие зрители так же плохо слышат.

И тут выяснилось, что актеры перед микрофоном лишь имитировали пение, а шло оно в магнитофонной записи. У сцены сидел звукооператор и включал запись, которые от многократных прокручиваний, видимо, стерлись, да и аппаратура у театра, должно быть, не высшего класса.

Мне в принципе непонятна эта «новаторская» идея, ведь театр, в том числе и музыкальный, — это живое творчество на глазах зрителей. Но уж если живое творчество почему-то неизбежно, то, думаю, могли бы об этом предупредить зрители заранее в афишах, чтобы они сами решили, идти ли на такой спектакль или не идти. Я бы не пошел.

### ХОТЯ ПИСЬМО И НЕ ОПУБЛИКОВАНО

Группа работников цеха Книшневского объединения химических предприятий обратилась в Объединенную дирекцию Молдавской государственной филармонии и дворца «Октомбрие» с претензиями по поводу распространения билетов на эстрадные представления. Однако руководство Объединенной дирекции посылало заявления в свой адрес неуместными и, наоборот, обрушилось с критикой на авторов жалобы. Обо всем этом нам рассказала в письме читательница Е. Позднкова. Редакция попросила разобраться в происшедшем Министерство культуры МССР. Вот что ответил министр А. Константинов: «Факты проверены. Упомянутый Молдавский филармония К. Галуца за дезинформацию слушателей отстранена от работы на три месяца. Директору Объединенной дирекции Молдгосфилармонии и дворца «Октомбрие» М. Муравку и художественному руководителю Е. Балчану строго указано на недопустимость подобного отношения к рассмотрению писем и жалоб трудящихся».

Редакция получила немало писем с жалобами зрителей на неудобное расположение части мест в спорткомплексе «Олимпийский». Администрация спорткомплекса, отвечая на эти письма, принесла зрителям свои извинения. Заместитель генерального директора Л. Пылов в своей корреспонденции в настоящее время в «Олимпийском» работают специалисты по улучшению схем акустических и световых устройств, а также рассматривается вопрос об использовании некоторых мест как неудобных, в связи с чем цены на них будут пересмотрены.

И. ПАК, врач.

ГОРЬКИН,

Беседу вел О. МАКАРОВА,

Вильнюс.

ГОРЬКИН,

### ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

## ДЛЯ КОГО Я ПИШУ МУЗЫКУ?

дирижера: поймают ли, примут ли? Наконец на генеральной репетиции оркестранты выступают композиторов по вековой традиции, выразив одобрение легким постукиванием смычками по пультам. И вот праздник — концерт. Победившие и сорелотонные лица главных участников, похолодевшие ладони. Седьмой дирижер украинкой принимает сердечные поздравления. Сколько сил, сколько надежд!

А зал? В зале... двадцать семь человек, считая авторов. Три молодых человека озираются с тоскливой улыбкой и в который раз задают друг другу один вопрос: «Для кого мы пишем музыку? Для себя? Для коллег?»

Расскажу, как я сама стала музыкантом. Однажды, это было уже давно, моя мать совершенно случайно попала в музыкальную школу. Само здание было старым и даже мрачноватым, а мир звуков, которым она была наполнена, не мог очаровать мою мать — она была далека от музыки. Но когда она пришла домой, то сразу обнаружила, что ее дети обязательно должны учиться музыке. Ее поразил необыкновенно просветленные лица детей. Вот так я стала музыкантом. Совершенно случайно. Но что было бы, если бы однажды моя мать прошла мимо этой школы?

Естественно, человек не может считать себя образованным, если он не знает азов литературы и живописи. Но как объяснить людям, что человек не может считать себя образованным, если он не знает и азов музыки? Как объяснить, что музыка совершенно необходима? Я прежде всего думаю о жанре академической музыки, хотя бы в моем случае не хочу утратить значение легкого жанра. Для того чтобы написать хорошую песню, нужны и талант, и честность, и вкус. Писать ее трудно, а слушать легко. А вот серьезную музыку слушать трудно. Это не отдыш. И она не всегда несет с собой хорошее настроение, порой она заставляет страдать. Она не радует нас яркостью красок или конкретностью сюжета. А краски — гармонические краски — становятся пустыни и начинают доставлять наслаждение только после того, как человек привык к этому особому языку музыки, только после того, как его восприятие подготовлено.

Вся беда музыки в том, что она просто перестает существовать, если в нее не верят и ее не любят. А ведь для того, чтобы научиться понимать и любить музыку, вовсе не обязательно делать ее своей профессией. Чтобы уметь слушать музыку, совершенно необходимо уметь играть на фортепиано. «Но как же иначе?» — спрашивает меня. Я убеждена в том, что с раннего детства, еще до школы, тогда, когда мы начинаем читать детям сказки, дол-

жно происходить их первое знакомство с музыкой. Тогда поэзия музыка становится такой же необходимостью, как и литература. Но как это сделать? В этом нам могла бы помочь фирма «Мелодия», которая выпускает так много хороших эстрадных пластинок с музыкой для детей из мультфильмов и сказок. Но ведь можно выпускать также пластины с серьезной музыкой для детей!

Проблема открыла серьезной музыки от слушателя волнует сейчас многих и многих моих коллег по композиторскому цеху. Если серьезная музыка будет и дальше терять слушателя, то и слушатель может в конце концов потерять навсегда серьезную музыку. Мы не можем творить в пустоту. Как в любом искусстве, наш путь в музыке — это поиск. И это может быть не почувствовать, верен ли этот путь? Ведь истинная поэзия может возникнуть только лишь в зале, когда оба — автор, и слушатель — повернут друг другу себя. Конечно, причина здесь во многом в плохой организации концертного дела, в неадекватности, неадекватности руководства филармоний. Странный парадокс. Повышаются траты людей, их интересы, государственная культура средств на воспитание серьезных профессионалов, и при этом — пустые концертные залы. Это наносит ущерб не только духовному воспитанию, но, если угодно, и экономике.

Очень важную работу по пропаганде советской музыки проводит Союз композиторов, который устраивает поездки концертных бригад с участием авторов по всей стране. Мы исполняем свою музыку в колхозах, на заводах, в общежитиях, на стройках. Люди приходят и свои обидные перемены или вечером после работы и тихо, внимательно слушают. А мы рассказываем, стараемся заинтересовать и подготовить слушателя, о том, что предстоит сейчас услышать. Иногда после таких концертов удается побеседовать. Да, почти все говорят о том, что это трудно воспринимать и что такое слышат впервые. Вот что плохо — впервые. Впервые, конечно, всегда трудно. И это говорит о том, что таких поездок недостаточно. А ведь как важно молодому композитору реально ощутить пользу своей музыки или пусть даже беспомощность.

Я не знаю, как это передать словами, но каждый артист знает этот момент почти сверхъестественного напряжения, когда мы мгновенно проникаемся ошущенным залом как единое целое, принимающего или отвергающего, правого или неправого, и тогда никто и ничто не может нас утешить или обмануть, даже мы сами себя.

Е. КОЖЕВНИКОВА, композитор.

В МИРЕ ТАНЦА

В фойе столичного Концертного зала им. П. И. Чайковского экспонируются работы московского фотохудожника Александра Ратникова «В мире танца».

Для своей персональной выставки автор отобрал яркую коллекцию фотографий, которые знакомят нас с танцевальным искусством чуть ли не всей планеты.

Публикуем три работы из экспозиции А. Ратникова — «Белорусский ансамбль «Хорошки», «Вьетнамский ансамбль «Дам Шам», «Индийская танцовщица Кукари Канака».



# ТАЙНЕН ПРОТИВ КОЛЛИНЗА

О закулисных рычагах государственной власти в США, тайных способах воздействия на общественное мнение рассказывает фильм «Документ «Р», демонстрация которого завершилась вчера по телевидению.

Три вечера подряд мы были свидетелями актуальнейшей интриги, эскадрильи козней, наконец, прямых преступлений Вернона Тайнена — директора Федерального бюро расследований США. Ему пытался противостоять сенатор Крис Коллинз. Однако главным героем, а точнее, антагонистом нового художественного телевизионного фильма «Документ «Р» все же становится не последний из нас, а именно Тайнен — архаичный, надменный, громадной власти, помноженной на элитарно-лазерные средства подслушивания, подсматривания, человекоубийства. Правда, Тайнен не брезгает и древними, как мир, лезвием, ножом и прочими обычными, так сказать, способами совершения противоправных действий, когда эти действия, а также целая армия наемных убийц, доносчиков, запятанных дел мастеров способствуют достижению глав-

поруочат другим, тем, кто по их прямому заданию манипулирует общественным сознанием. Обо всем этом весьма убедительно рассказал в свое время роман Ирвинга Уэллеса «Документ «Р». Чуть было не написал «документальный роман» — настольно в этом художественном произведении, где действующим героем с вымышленными именами, сильна фактографическая сторона дела. Детский инстинкт, воспроизведенный писателем, взят им, что называется, непосредственно из окружающей его среды. Вним. сказать о стилистике литературного параностичкича, ибо основная удача кинодраматурга Александра Юрлова и режиссера Валерия Харченко видится мне в бережном, точном и талантливо воспроизведенном на экране эти особенности прозы Уэллеса. Мы сразу словно бы оказываемся погруженными в атмосферу «коридоров власти», в которых принимаются ответственные решения. Они сумрачны и спокойны, эти «коридоры», как и лица тех, кто без

лишней суеты управляет, словно опытный журналист, каждым движением послушным марionеток. А если марionетки попытаются сделать самостоятельное движение, у актеров всегда под рукой целый арсенал испытанных средств: подкуп, шантаж, физическая ликвидация непокорного, независимо от его возраста, поста, общественного положения. Она графично вымучено возникает в городе Аргос-Сити, где претворяются в жизнь бредовые мечты ультраправых о контролируемом обществе «закона и порядка». Такого города на карте США не отыщешь. Однако учителями, подданными миссис Уоткинс, помещены в других больших и малых городах Америки. Учительница задает своим ученикам прочитать декларацию независимости, за что и была уволена из школы города Аргос-Сити. Ее реально существующим коллегам в других городах, процитировавшим эту отнюдь не секретный документ, по свидетельству корреспондента Ассошиэтед Пресс, было сказано, что только лишь молчать такое. Другие комментаторы к декларации были



не менее лаконичными: «Красные скрутили» сочинил эти коммунистические бредни». Успеху фильма способствует и очень точный, слаженный актерский ансамбль. Прежде всего это своеобразный дуэт Эвальда Хермаюла (Вернон Тайнен) и Ромуальда Анциса (Крис Коллинз). Прекрасные актеры представляют нам образы своих персонажей в постоянной динамике. Хотя возможности Ромуальда Анциса, на мой взгляд, здесь используются не до конца. В его распоряжении оказался менее выразительный и острый материал, чем тот, что достался Эвальду Хермаюла. Столь же интересны и разнообразны Микс Микшивер (Энтони Пирс) и Кейно Мандри (Редденбау). В этом преимущественно «мужская» картина будут и удачи Клары Беловой, младшей разнообразно и в то же время лаконичные средства выражения для своей, несомненно, трагической героини Мари Лемперт. Жаль, что в сценарии, в общем-то, лишь пунктирно обозначена линия

## НА СОИСКАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ СССР

# ГОРЯЧИЙ ПЕПЕЛ

Мы привычно и не без оснований сетуем, что эпоха энциклопедистов уступила в прошлом и настал век узкой специализации. Тем обстоятельством, с человеком постиндустриальной цивилизации да к тому же обидо делавшимся своим знакомым со всеми нами, читателями. Книга Всеволода Овчинникова «Ветка сакури» и «Корни дуба», вышедшие в 1983 году в переработанном варианте под названием «Сакура и дуб», давно имеют прочный читательский успех, и не только в нашей стране. «Ветка сакури» несколько раз издавалась в Японии, «Корни дуба» вышли в Англии. Нет сомнения, что и новую работу Овчинникова «Горючий пепел» прочтут на разных континентах. Произведения В. Овчинникова столь насыщены разнообразной информацией, часто известной лишь настоящему специалисту, что любой человек захочет познакомиться с автором. Овчинников — журналист-международник, разбирающийся во всех сложностях и хитросплетениях мировой политики. Востоковедом, изучившим такую загадочную для большинства европейцев страну, как Япония (Знакомое английское издание: «Культурология. Социология»). Но, конечно же, Всеволод Овчинников в своих книгах прежде всего писатель. И если он ставит себе цель рассказать историю героя коллективного, а тем более всего народа, ответственности и почетной задачи, наверно, нет. Писатель В. Овчинников обладает удивительным и нечастым даром: его книги интересно читать и людям несведущим, и тем, кто полагает себя осведомленным в предмете. Тут не убого личного примера, я никогда не был в Японии и знаю о ней не больше, чем радостно читателя. В Англии же я бывал неоднократно и уже не первый десяток лет изучаю литературу и культуру этой страны. Но читать обе части книги Овчинникова мне было одинаково интересно. Как редко в последние годы критики способны отметить эту немаловажную черту художественного произведения! Удивительность книги Овчинникова не только в том, что он умеет открыть некое новое в известном, но только в том, что он изучен, продуман, выстроен огромный материал, но и в том, что в них есть еще один яркий герой — личность самолюбивая, современней человек, он буквально движим жаждой познания. Взгляд его всегда открыт и доброжелателен. Глубоким уважением к истории, культуре, укладу жизни другого народа проникнуты слова строки его книг. Убежденный интернационалист, автор рисует портрет своего «коллективного» героя, стараясь отметить те моменты, которые наш писатель особенно ценит в японской и английской.

СССР. Были разработаны конкретные планы, составлены списки городов, на которые должны были сбросить атомные бомбы, намечались даты. Американские политики и генералы цинично планировали коверный удар по недавнему союзнику. Именно США претендуют на мировое господство, дали старт гонимому японцам после второй мировой войны. И сегодня в Вашингтоне не могут остановиться. Разговоры об оборонительном характере систем космического вооружения также же ильются и абсурдны, как мир об агрессивности нашей страны, насаждаемой западными пропагандистскими службами. О книгах В. Овчинникова писать трудно, потому что их постоянно хочется цитировать. Буквально в каждой фразе либо новая информация, либо неожиданное сравнение, либо яркое, отчетливо сформулированное мнение. Эти книги надо читать. Сам автор назвал «Горючий пепел» «хроникой», «Сакура и дуб» — «впечатлениями и размышлениями». Такого жанра в учебниках по литературоведению нет. Но, как известно, настоящий художник не укладывается в прокрустово ложе существующих канонических жанров. Он создает собственный жанр. Создал свой особый жанр и Всеволод Овчинников. Его книги безусловно стали замечательным явлением в современной советской литературе. Г. АНДЖАПАРИДЗЕ.

## НА ЗЕМЛЕ САНДИНО



Это почти всегда интересно, когда художник, вернувшись из поездки по дальним местам, побывав в других странах, устраивает выставку сделанных там рисунков, портретов, пейзажей или публикует их в виде альбомов репродукций. Работы такого рода позволяют глубже познакомиться с автором, увидеть не только его творчество, но и почувствовать непосредственность переживания автора. А особенно внимательно, разумеется, рассматривает зритель созданные мастером, чье творчество уже на протяжении длительного времени затрагивает сердца многих людей. Искусство Ильи Глазунова вызывает широкий интерес. Подтверждает это и встречи с новыми работами художника: именно яркостью воплощения

чувств, способностью увлечь зрительское восприятие и подкупает творчество Глазунова, оно всецело обращено к зрителю, созданные, как и другие путевые работы автора, там, где остро ощущается пульс времени, они по-особому впечатляют своей актуальностью, рельефностью выражения чувств советского художника, побывавшего на одной из передовых позиций современной борьбы за свободу. Писателем Инкарагуа — это земля стражающего народа. Портреты, буди то солдат или пастор, крестьянин или глава революционного правительства, — образы преданности идеалу свободы и независимости. По достоинству оценены работы Ильи Глазунова там, где он создавался. В предисловии к книге «Телеграммы из Никарагуа», воспроизводящей большую часть этой работы, из-

## АКТЕРЫ И РОЛИ



### Дом, где меня ждут

Любовя Полищук приехала в Москву из Омска с концертной программой в составе коллектива «Омичи на эстраде». И тут актрису заметили, пригласили в Московский мюзик-холл. Она становится лауреатом Всесоюзного конкурса артистов эстрады. Вскоре состоялась ее встреча с режиссером Московского театра миниатюр Михаилом Левитиным, который увидел в ней актрису, отвечающую требованиям этого театра. Ее дебют состоялся в спектакле «Чехонте» в «Эрмитаже». Она сыграла несколько ролей: мистика, кокетку, актрису — женщину естественную, открытую, стремящуюся к радости, в меру своих возможностей борющуюся с темнотой жизни. Следующий спектакль «Харис Чарис Шардам» или «Школа клоунов» стал очередной ступенькой в творчестве Любови Полищук. Но на этой ступеньке ей понадобилось умение особого рода — быть клоуновской, в гротесковой, эксцентричной форме говорить о вещах простых, понятных и всем знакомым. Проходит время, и эта способность актрисы в полной мере проявляется в спектакле, премьера которого состоялась недавно, — «Соломенный шляпчик» Э. Лабиса. Здесь Полищук вновь появляется перед нами в разных обликах: наш гид в путешествии по Перу, гонимая на известности баронесса, танцовщица «Мулен Руж» и даже одна из представительниц карьерной службы. Для каждой из этих ролей актриса находит свои краски, но их объединяет безудержный оптимизм, естественность и почти детская веселость. Работа над каждым спектаклем в нашем театре требует большого труда, — говорит актриса — и быстрая, спортивная тренировка. Почти в каждой постановке у нас есть трюки, танцы, клоунада. Пожалуй, в этом и есть своеобразие театра — серьезное, драматическое, подчас трагическое содержание мы стараемся решить в эксцентрической, ярко зрелищной форме. Человеческая жизнь — это всегда сочетание радости и горя, надежды и отчаяния, смеха и слез. И, думаю, счастье для актера, если ему удается рассказать обо всем этом в течение одного спектакля. Я люблю театр, в котором работаю. Это дом, в который я возвращаюсь после съемок, выступлений на эстраде. Дом, где, я знаю, меня ждут. Г. СИНЕЛЮКОВА.

## Кинокамера в заводском цехе

В съемочную площадку превратился цех Тагизского алюминиевого завода. Здесь кинематографы студии «Таджикфильм» приступили к созданию художественной ленты «Принимая решение». Новая картина режиссера-постановщика М. Касимова, соавторами которой являются мастера экрана выступил авталаури, рассказывает о социальных и нравственных проблемах, связанных с ускорением научно-технического прогресса. Душанбе. (ТАСС).

# НЕ ХУЖЕ И НЕ ЛУЧШЕ...

- «Черная стрела» — книга и фильм.
- Откуда берется «остросюжетная» сценка.

Не стану утверждать, будто «Черная стрела» была любимой ингой моего детства. Скорее этот не главный роман Стівенсона запомнился тем, что традиционно издавался и переиздавался под одной обложкой томиков «Библиотеки приключений» вместе с неуловимым «Островом сокровищ», подлинной классикой приключенческой литературы. Но я столь же далек от намерения судить о новом фильме «Черная стрела» («Мосфильм»), поставленном режиссером С. Тарасовым по собственному сценарию, с позиций дотошного литературоведа, который и в этой несприятельной истории для юношества найдет отголоски большой истории, отблески стивенсоновских концепций прошлых эпох, движения человеческой цивилизации, культуры и морали. Признаюсь: я не рассчитывал извлечь из просмотра ничего, кроме развлечения. Но, придя на дневной сеанс в один из кинотеатров, прослушал полчаса часа вместе с двумя десятками зрителей, нисе из которых в паузах между экранными потасовками успевали лишь комментировать действие.

В чем же дело? Неудачное усугубилось, и тем, что фильм сам по себе был не лучше, ни и не хуже десятков ему подобных, один из которых разыгран в ультрасовременных декорациях, а другие построены на приматах времени Дюма, Вальтера Скотта или Уилки Коллинза. А может быть, я сам необоротно утратил молодую способность увлекаться стремительным сюжетом, романтической риской, острыми столкновениями характеров? И тогда пришлось обратиться к книге, первые же страницы которой вернули забытое ощущение юношеских тревог и восторгов. Но этого мало: приобретенный опыт позволил взглянуть на киноленту в романе страсти и точки зрения взрослого человека, которому так стремилась стать — а этого становится — стивенсоновский герой Дик Шелтон. Не утратив оварованной непосредственности, авторская манера изложения поразила мудрым пониманием тех детских трудностей, жестоких искusstов, которые претерпевает на пути своего становления юная душа. Как, например, описано путешествие Дика и его будущей жены сестры Дюанна Сэдди, переодетой в мужское платье, из харчевни «Солнце», расположенной в деревушке Коттлы, на сторону благословенного аббатства Холмвуд? Может показаться, что главное здесь — подстерегающие двух мальчишек (Дюанна зовет себя Дюном) свирепости и опасности; болотистые топи, контролируемые разбойниками на репары, брошенные по лесам проволочники. Но самым деле исприворное волнение, с которым читаем мы эти главы, объясняется другим. Чувство взаимовыручки, сирепляющее героев и помогающее им преодолеть ощущение одиночества, своей потерянности в мире, где идет бессмысленная, неправая с обеих сторон война, где измена и убийство стали нормой, а смерть отца Дика окружена туманом страшных догадок и наветов. Вот источник неискоренимого напряжения, которое охватывает героев и передается читателям.

Назову, представьте, Дикку Шелтону, если отовсюду он слышит одно: не кто иной, как его покровитель и опекун сэр Даниэл Брокли убил отца юноши? И вот что в полнейшем отчаянии говорит «Дюну» Дик: «Я ничего не знаю. Быть может, все это так и было. Откуда мне знать? Но послушай сам: сэр Даниэл ввратил меня и выкармливал, я играл и охотился вместе с его людьми — и вдруг я их вижу в минуту опасности. Если я ложню их, я потеряю честь». И Дик срывается за интересы — ежесекундно меняющиеся в зависимости от конъюнктуры — сра Даниэла, закармливал инкалод одного из тех, кто как раз-таки хотел отомстить за смерть старого Шелтона. Закармливал безопытного человека, который только что спад с Дика, жизнь. Удивительно ли, что после всего несчитанного в лесу и на болоте ослабевший «Дюно» без тени жалости проанонсирует: «Я так устал, что хотел бы лечь и умереть?». Вот это, наверно, и есть духовная атмосфера стивенсоновского романа — испытание, выпавшее на долю юных героев, совершаемые ими поступки, часто ошибочные, естественным образом приводит их к равнине понимания цены человеческой жизни и смерти, низости и благородства. Пониманию, которого нисе инфантильные мужчины и женщины в более благополучные времена не достигают порой и в зрелом возрасте. Здесь-то и становится ясно, почему фильм «Черная стрела» при внешнем подобии оказывается столь далек от духовной напряженности стивенсоновского мира и, в сущности, ему чуждород. Авторы направили свои уси-

4 июля на крейсерах были гости: с берега поехали катерами жены, невесты, матери. Был дан обед, женщины по привычке старались предостеречь старания выключенных восточных, ухаживая за мужьями и сыновьями с готовностью, с какой они делали это на земле. Именно во время обеда Нессен воздал жад «Россией» советами сигнальных флагов.

— Поход! Срочно. Гостям поминуть корабли...

Крейсера ушли, будто их никогда не было здесь, а вечером на рейдах «ботин» забралась громадная кайма и сидела там долго-долго, потрескивая ильшимами... Владивосток в ночь божества чуждым огнями, в саду по-прежнему звучала музыка, на тротуарах полно гуляющих, где-то спелись на свидание девушки в новеньких туфельках, но вся эта жизнь уже не насладась тех, кто ушел... может быть, уже навсегда!

Валентин Пикуль

# ПОХОД КРЕЙСЕРОВ

«Юрик», «Громобой», «Россия»... Названия этих боевых кораблей русского флота читатель встретит на страницах нового романа Валентина Пикуля «Крейсер», события которого разворачиваются в годы русско-японской войны. Войны, итогом которой было тяжелое поражение России, вызванное неадекватностью и преступным равнодушием царского командования; войны, во время которой

русские моряки и солдаты, защищая Отечество, поражали врага доблестью и великодушием...

Отрывок, который мы предлагаем вниманию читателей, рассказывает о смелом походе русских крейсеров из Владивостока в тыл противника, к берегам Японии в июле 1904 года.

Полностью роман публикуется в журнале «Молодая гвардия» [№2 № 9].

Первая волна небрежно, словно нехотя, началась «Юриком», и в клетке, висевшей над столом, забеспокоились птицы. Евгений Александрович Труссов уселся за главе стола как-то машинально.

— Ну-с, поздравляю... Мы вправе гордиться! Один только японские походы наших крейсеров стоили Японии потерь гораздо больших, нежели она понесла в затопленных бою на Ялу и при Вафангоу, вместе взятых. Это точные справки? Вы знаете, — продолжал наперевод, — что все японцы более чувствительны к делам на море, нежели на суше. Очевидно, это врожденный инстинкт, а не выучка. А вот фактор следует учитывать. Сейчас в Японии (и не только там) перепуганы нашими набегами. Транспортировка войск и грузов ведется уже не с морской, западной, а с океанской, восточной, стороной японского побережья, куда мы и направляемся... в район Токио!

— Каких противей? — сразу возник вопрос, один из самых насущных из числа вопросов жизни и смерти.

— Сангарский... прямо в горах Японии. Да, конечно, пролив Лаперуза у Сахалина гораздо безопаснее для выхода в океан, но этот пролив лучше оставить для пароходо-островитя, а этот Скрябинский настоятельно требует крейсера гулять углем выше нормы. Даже если будем следовать дальним проливом Лаперуза, в наших бункерах должно остаться по четыреста тонн угольного запаса для каждого из кораблей. Главное я, кажется, сказал, остальное вы обговорите без меня... с Николаем Николаевичем!

Стоило командиру удалиться, как сразу началась дискуссия, в которой Хлодовский оставлял за собой последнее слово. Несар Шлягин, крейсерский «Никита Пустосвет», готовый любой ценой отстаивать с одержимостью равнодушием, на этот раз говорил вполне адекватно и рассудительно:

— Не кажется ли вам, что еще со времен Рейнштайнера мы не вылезем из авантюры? По сути дела, каждая операция крейсеров зиждется на старинном вековой русской традиции: авось, пронесет, авось, выведем, авось, бог поможет...

Пропорции запаса Арошадзе был согласен с бароном:

— На войне мы стали нахалами, даже страшно!

— Насчет нахальства... вмешался Юрий Маринович, утилитарный, как борозы, причисленный в лучшей парижской школе. — Этого слова, пропорции, я не принимаю. Нахалом можно быть на базаре или в очереди у конюшней лошадей. А для военных людей существуют иные понятия — риск и дерзость!

Хлодовский охотно поддался теме риска:

— Куть с водкой в трюмах, да еще на последнюю куть угли мы обязаны привезти. А перспектив у нас, судя по всему, сейчас в Ногогаме только и отравить морем новые диваны под конвоем двух крейсеров и одного броненосца.

— Значит... бой? — спросил его врач Солуха.

— Пожалуй. И потому прошу вас, господа, быть бдитель и матросам. Они наши младшие братья. Если мы идем в бой по призыву, они идут на смерть по чувству долга. Чтобы инициал «переноски» дисциплина — штука неприятная, как уличная дева. Довольно матроса и офицера, следует избегать впасть в подчинения. Только глупым цепляком уповают на служебную дисциплину...

Все расходился. Старший инженер-механик Иван Иванович Иванов подошел к Конечникову под благословение, и тот перекрестил его. Но молодежь обобщала без этого:

— Все под одним богом ходим — под Андреевским стягом!

Православные, лютеране, католики (и, кажется, даже один мусульманин — визитный офицер Зенделов) — все они дружно направились по трапам, их аллоны полировали латуни поручней, и без того сверкающую, а ступени трапа были облиты ковром, но кают-компанийский раб обривался жестким порогом-коммиссом, и тогда ноги каждого ступала в мир обманчивой грубой брони...

Флаг Нессена привычно стелился над «Россией».

Волны шаловливо-радостно заглядывали последние планы брига на чистые палубы крейсера. Каким услужливым Панафидин «закалывал» в койке, чтобы крепкое его не вышвырнуло на палубу. Он раскрякил томик Карелья, который иногда писал так, что стоило задуматься: «Россия безразлична к жизни человека и к течению времени. Она безмолвна. Она вечна. Она несокрушима...» Крейсера шли хорошим ходом, уверенные в себе и в своем воинском счастье.

...После полуночи на 7 июля Панафидин с мостика передал в салон командира по извилистым переговорным трубам:

— Нам не ждуть, и я вижу свет японских маяков.

— Какого цвета? — спросил Труссов.

— Белый и красный.

— Именно они указывают вход в Сангарский пролив. Не проходите сигнала флажана: сейчас ползет в эту сторону...

Над картами Сангарского пролива склонился юриковский штурмана — капитан Салов, мичмана Платонов и Панафидин. Сангарский пролив сложился вихреобразными «сулоями». Войдя в его устье, огражденную горами, крейсера сразу попали в неразбериху отвратной качки, а попутное течение сильно «подкашивало» корабли в юрму, отчего скорость возросла сразу на четыре узла. Рулевые боролись со штурвалами, стараясь удержать крейсера посреди пролива. Труссов стоял у телеграфа.

— В мирные времена, — сказал он, — корабли принимались к берегам, чтобы избежать этих «сулоев», но... Откуда мы что знаем? Может, у берегов теперь поставлены мины?

— Был сыгран «алларм», и люди уже не покидали боевых постов. Солуха с лекарем Браунштейном растаскивали по трапам особые носилки, в которых раненых можно переместить даже по вертикали, их можно проносить через люки...

С рассказом крейсера прошли мимо Хамода, демонстрируя свое презрение к противнику. Но крепость города молчала, и Хлодовский сказал, что газетные слухи подтвердились:

— Все пушки крейселей японской метрополии сняты с берега и отправлены на штурм Порт-Артура...

В семь утра бригада крейсеров вырвалась из теснины Сангарского пролива, и перед ними, величаво и спокойно, открылся стратегический простор Тихого океана... Первой жертвой стал корабль «Танасима-Мару», который крейсера и потопили. Но, вернее всего, морские Россия президе убедились, что вся команда погрязла в шлюпки, а берег был недалек:

— Ничего! Японцы ребята здоровые — выгребут!

Остановили английский пароход «Самара», ждущий в балласте. Оснований задерживать его не было, и пароход с миром отпустили. А сию же явную рефракцию японского фантастического на пути пролива японского броненосца.

— Не «Катуча» ли? — тадали на мостиках... Похих...

Но вот «броненосец» приблизился и оказался обычным пассажирским пароходом. Солнце уже припекло. По променаду-дегу гуляли нарядные японки под зонтиками, из кружевной иллюминаторов высматривали головенки японской детворы. Встреча с подобной идиллией была столь неожиданна, что матросы спомнились у лееров, возбужденные этим зрелищем.

— Бабенки-то у них ничего... гляди, крали мамки!

Нессен тоже досмотрел это идиллично до конца:

— С женщинами и детьми русский флот не воюет...

Крейсера прощально взвизда сиренами и стали отходить от парохода, никак не нарушая его пассажирского распорядка. При этом японские женщины следили воздушные попутли, в русские молчали махали японкам руками, желая доброго пути...

Именно в этот день министр иностранных дел граф Владимир Николаевич Ламодров в здании у Печевского моста русской столицы принял английского посла, явившегося с проектом. Скотт не собирался шутить. Он был возмущен (согласно лондонским инструкциям), Англии уже встала на дыбы. Как? Она — владычица морей, а русские моряки провалят ее на старую дурочку на «блудном рынке».

Итак, я вас слушаю, — сказал Ламодров. Скотт неторопливо раскрыл роскошный бювар:

— Я вынужден сделать официальное заявление. На этот раз я не стану касаться ваших владивостокских крейсеров. Но мы не можем признать равнодушие боевых действий крейсеров вашего Добровольного флота на том все-

ком основании, что они покинули Севастополь под коммерческим флагом, которым и ввели в заблуждение турецкие власти, дабы затем притвориться по праву сильного против слабейшего на международном морском пути. Ваши задержаны наши корабли, в том числе и «Маланка», захваченная для рейса в Японию.

— Да, — отвечал Ламодров, — мне это хорошо известно. Но задержание «Маланки» состоялось в границах общепринятых норм международного «призового» права, которое во все времена позволяло флотам противников преследовать военную контрабанду... Япония еще за три дня до нападения на Россию стала истратски захватывать коммерческие корабли, идущие во Владивосток с безобидными грузами, и мировая общественность не протестовала против этих разбойничьих актов. Наконец, не станете же вы, господа, просить, отказать, что бросились листы для защиты бортов японских кораблей, как и многие тонны пироксили и мелнинов для выделки японской шимомы, являются важными стратегическими грузами?

Вопрос от России поставлен. Ответ Англии готов:

— Правительство моего короля не может брать на себя ответственность за торговые интересы своих подданных, а бросать листы с пироксилином на транспорте «Маланка», задержанном вашими крейсерами, является частным делом. Право же личной собственности по всем известным в мире законам остается свято и нерушимым. — Посол захлопнул бювар столь громко, будто выстрелил из сигнальной пушки. — В том случае, если ваше правительство не пресечет крейсерской разбой на коммуникациях мира, правительство моего короля вынуждено будет принять самые серьезные меры с далеко идущими последствиями...

На дипломатическом языке эта великая фраза означала почти «объявление войны». Наши крейсера снискали «Громобой» и «Юрик» прибавили оборотов, уходя прямо в нестерпимый блеск Великого океана...

Их аппараты «Дюмрета» с утра принимали телеграммы: «Русские крейсера... задерживайте отравку всех пароходов с грузами и войсками». Днем приняла из эфира истощенный вопль: «Русские начали конфискации кораблей, двигаясь в северном направлении...» Нессен отреагировал на это точно:

— В северном? Значит, мы отворачиваем и юг...

Крейсера погрузились в климатическое пенло. Одежда и постели пропитались влагою. Люди изнывали от пота. Офицеры без жалости покидали свои каюты, им стелили матрацы на мостиках, в батарейных палубах. Над ютами растлужили тенты, в тени которых температура в 30 градусов считалась уже терпимой. Крейсера двигались на встречу сильному течению Куро-сио, которое снискало «Громобой» и «Юрик» был слабый, но океан устоял на такой мертвой дыбе, от которой крейсера бесновидно валало с борта на борт, а все, что было плохо закреплено, сорвало с переборки и палуб, со стола выскочило летела посуда, бедные птицы в кают-компаниях едва держались на своих жердочках...

Утром 9 июля на крейсерах пробили «алларм».

— Вои! — показывали сигнальщики. — Дым, дым...

Ничто, кроме них, дыма не видел, но скоро обозначился громадный пароход германского «Людвиг» — «Арабия».

— Призовые партии — по катерам! Быстро, быстро...

На вопрос о грузе капитан «Арабия» отвечал:

— Генераль-карга (то есть сборный груз)... Откуда вышло?

— Нью-Портланд, штат Орегон в Америке.

— Курт?

— Сейчас в Ногогаму, затем в Шанхай и Гонконг.

— Генераль-карга подлетит осмотру...

При осмотре выяснилось, что причины для ареста имеются, ибо трупы «Арабия» были завалены паровозными котлами, разными машинами и рельсами. Пароход арестовали. Под конвоем моряков, знающих навигацию, его отправили во Владивосток через Лаперузов пролив.

В отсеках крейсеров уже образовалась целая колония пленных и потопленных ими кораблей,

а в дощатом загоне блесла трофейные орудия... Шли дальше на экономическом режиме котлов, дыма не расходуя, уходя напросно. Остаток миль 40—50 до мыса Нодзимизакэ, за которым начинался Токийский залив. Решения переждать время на малом ходу, чтобы ночью отыскать огни Ногогамы...

— Семифор с «Громобоя!» — вдруг доложил флагами.

«Громобой» докладывал: ему не хватает угля на возвращение в базу, и это сообщение вызвало почти шок на флагмане:

— Как? Новейший крейсер, котлы и машины экономичнее наших, так почему же расход угля больше, чем у нас?

Дабич внес поправку: он достиг до Владивостока, но будет вынужден сжечь неприкосновенный запас угля в 400 тонн. Крейсера, эскадронные машины, раскочевались один возле другого. Нессен через мегафон окликнул Дабича:

— Николай Дмитрич, подвинти «Громобой» ближе к моей «России», я слышу пару любезных слов твоему механику.

Несколькими оборотами винтов Дабич «подвинтил» крейсер ближе к флагману, и все увидели на борту «Громобоя» здорового дядю. Стоя навстречу, он отдавал честь адмиралу.

— Вы... крикнул ему Нессен... сравните нам всю операцию. После похода будете отдыхать под трубу... За такие дела надо расстрелять! Без жалости!

На борту флагмана устроили экстренное совещание командиров крейсеров — как быть, что делать? Нессен был возмущен:

— Интересно, о чем он думал во Владивостоке, донадеявшись, что бункеровался под самые крыши люков? Решайте, как нам поступить...

— Наверное, возвращаться, — предложила Дабич.

— Я думаю, — скромно вмешался Труссов, — если уж мы забрались в это логово, то отказываться от операции нельзя. Пусть «Громобой» вернется без четырехсот неприкосновенных тонн. Пусть сунет в поточерни все, что горит. Даже мебель с койками. Даже матло.

— Я такого же мнения, — решил Нессен. — Возвращаться не имеем права. Операция будет продолжена...

Крейсера вышли в район Токио, и утром 11 июля на них напоролся спешащий англичанин «Найт Командер», который на выстрел под форштевень отвечал возрастанием ходового буруна. Такое наглое непослушание озлобило Нессена:

— Отдох, он что ли? Дайте еще раз под собою...

Старик точно ударил «британца» в носовую скулу. Корабль, вздрогнув, сам по себе отдал якоря, которые сорвали со створов твинки несли, с грохотом они исчезали в бездне, пока не носулись далекого грунта океана.

— Вот теперь он будет с нами повележиве...

В трюмах обнаружены рельсы, конструкции железнодорожных мостов, вагоны колес. Япония всячески контрабандила. Но капитан ни в якорь не желал предельно сокращать на груз и маршрут (а это подозрительно так же, как если бы человек, попавший в полицию, отказался назвать свое имя и адрес). Панафидин случайно заметил в каюте пресс, в котором были заматы несколько книг, но с умом решил до поры до времени помалкивать... Наконец капитан сознался:

— Черт с вами! Я вышел из Шанхая.

— Но вы же не читали. Откуда пришли в Шанхай?

— Из Нью-Йорка, дядюшка вас разберет! Не ищите компромиссов. Их обещали мне выслать нахальской почтой. Если решали тащить меня во Владивосток на расправу, у вас ни черта не получится, ибо у меня в бумажках угля — на три лодаты...

Проверили: да, топлива для доставки корабля во Владивосток не хватало...

Панафидин вернулся в каюту, позвинутой капитаном. Развал на столе пресс, вымачивая из-под него моприродные книги, которые теперь послужат обвинительным документом для «призового суда». Все рельсы, все мосты, все колеса рухнули на дно океана... Только успели рассадить спасенных по отсекам, а музыканты крейсеров уже играли новый «алларм».

— Что еще там стряслось? — любезная на мостик Труссов, и ему позавали английский пароход «Тяньван».

На нем оказался груз риса и сахара, полно было выскорок. Нессен с флагмана в нетерпении спрашивал:

— Откуда и куда «Тяньван» идет?

— Из Манчжу в Ногогаму... без контрабанды!

— А женщины есть?

— Бабья хата, — отвечали «призовые» матросы.

— Тогда... без осмотра! Побережем слабые женские нервы. Капитану стрявть пар из котлов, и может поднимать их снова, тогда наши крейсера исчезнут за горизонтом...

(Это было сделано нарочно, дабы англичане не спешили в Ногогаму с предупреждением). Обрядованные танем легким исходом дела, британцы очень приветливо общались с русскими, обменивались с ними панпирсами, охотно рассказывали:

— Знете ли, как прозвали наши крейсера в газетах Европы? Везде пишут, что Россия завела на Дальнем Востоке крейсера-извездники, которых никто не может побить...

Остывала ночь. Японские маяки светили ярко.

## КНИЖНАЯ ГРАФИКА



Книжка М. А. Шолохова «Донские рассказы» готовится к выпуску и издается в «Художественной литературе». Иллюстрации созданы московским графиком Владимиром Гальдяевым.

# КТО НЕ РИСКУЕТ...

СТРАНИЦЫ ИЗ БОРТОВОГО ЖУРНАЛА ОДНОЙ ИЗ ПЕРВЫХ РУССКИХ ЛЕТЧИЦ



Петербург, начало XX века. Рекламные тубы оклеены афишами с портретами Миллы, популярной певицы. У женщины в центре русского лица, в блике задуны ее подомашнему просто: «Любимая».

Это Любовь Александровна Галачикова, а Милла — ее псевдоним.

Девушка из бедной семьи, ученица бухгалтерских курсов, она увлекалась пением. Не чуждалась она и оперетты, а в актрисе Л. Галачикова стала профессиональной артисткой. Не ее выступления часто бывали и первые русские авиаторы. Наслушавшись из рассказов о необычайных воздушных приключениях, Милла

Море решает: «Буду летчицей».

И она поступает в частную летную школу, получает в октябре 1911 года диплом пилота-авиатора. Прощай, сцена! Немного минуло времени, и Л. Галачикова заявила о себе в авиационном мире: она первая русская мировая авиаторка-рекордсменка, одна из значительнейших высшего пилотажа, «спелых» полетов! Тысячи зрителей устремляются на аэродром, чтобы полюбоваться ее отважными полетами. Однако российские авиаторы-любители не хотят видеть женщин-пилотов. Зато голландский авиатор-строитель и предприниматель Антонин Фокиер приглашает ее шеп-пилотом (главным лет-

чиком-испытателем) на свой завод: ведь после этого мастера Л. Галачикова признают ее на родине: в 1913 году она становится шеп-пилотом авиационного завода Терещенко на Жигитовищине.

Продлевая судьбу этой необыкновенной женщины, обнаруживая, что она участвовала в первой мировой войне, служила в Красном Воздушном Флоте...

Сохраняя бортовой журнал Л. Галачикова, неизменно восторженно читатель. В нем история одного из ее обычных полетов на новом аэроплане. Старт был дан на аэродроме Иоганнштадт под Берлином.



новится как-то не по себе. Но это не рискует, тот не вынуждены!

5.37. Пролетели 300 километров, а до Парижа осталось еще 650. Надеемся, что мотор нам будет верен. Да, это целое воздушное путешествие. Становится довольно холодно.

5.45. Вижу опять землю. Теперь мы находимся уже не над облаками, где так прекрасно, а летим в облаках, что ужасно неприятно. Карта из-под него моприродные книги, которые теперь послужат обвинительным документом для «призового суда». Все рельсы, все мосты, все колеса рухнули на дно океана... Только успели рассадить спасенных по отсекам, а музыканты крейсеров уже играли новый «алларм».

5.46. Вот не ветит: мы снова попадаем под дождь. Капли дождя колотят, как булавы.

5.53. Перед нами большая река, видны фабрики.

Ступились до высоты 20 метров. Наш аппарат начал немилосердно швырять над домами. Летор зашел очень маленькое поле, зерно, огород. Машина была уже почти на земле, но неожиданно перед нашими глазами вырос дом. Катастрофа неминуема. Аппарат летит прямо на дом. Но Летор «рвет» в последний момент машину вверх, и мы пролетаем над домом, едва не касаясь труб колесами, а над головой у нас — сезонные провода. Эти несколько секунд, а была в облаках, что, если мы не запнили холемсам за трубы, то повиснем на проводах. Момент был ужасный. Но через секунду я глазами своим не поверила, когда увидела, что все уже воздвиг. Летор стал опять спускаться на какой-то огород. На этот раз спуск был благополучным.

Итак, мы очутились в 7.10 в Кельне. Тысячная толпа окружила наш аппарат, который оказался в полном порядке.

Для публики мы были редким явлением. Скоро дали звать подлинник, которая отразила аппарат от любительных. Неприятные туманы и дожди не дали нам возможности лететь дальше, и мы остановились в Кельне 2 дня.

26.7.13. Кельн. 11.50 пополудни вылетели. Ужасный туман, почти ничего не видно.

11.55. Под нами маленькая деревушка и еле видна железная дорога. Я надеюсь, что туман пройдет, хотя он густой-густой. Аппарат швыряет очень сильно. Под нами виднеются горы, и вниз смотреть очень страшно.

23. 7. 13 г. В 4.20 утра вылетели на Ногогаму. Наше прохождение мимо авиаторов. Вижу летящий аппарат Фокиера. Это сам Фокиер. Попрошавшись с ним, мы делаем еще один круг и вылетаем за пределы аэродрома. Скоро я потеряла уже совершенно Иоганнштадт из виду. Под нами туман, окрестности видны плохо.

5.10. Кантенов. Находимся в облаках. Летор (французский летчик. — Ред.) несколько раз выключает мотор и опускается, чтобы выбраться из них. Ориентируемся по железной дороге.

5.30. Несколько раз попадаем в воздушные ямы, и нас порядком швыряет. Я очень люблю мотором, работает он прекрасно. Надеюсь, что не остановится. Под нами огромный

лес и вода. Скорей бы пролететь это место, вид очень мрачный. Солнце нам светит в спину, а перед нами туманная даль, земли почти не видно. Летор знаками показывает мне, что перед нами дождявая туча, нас застигнет ливень.

5.35. Степидаль. Летим на высоте 1.000 метров. Слежу за картой и ориентируюсь по своему воображению. Железная дорога видна хорошо, а потому ориентироваться легко.

6.30. Погода становится все хуже...

6.50. Под нами ничего не видно. Идет сильный дождь. Скорей бы долететь до Ганноверера.

7.05. Наконец Ганновер. Но где аэродром? Дождь и туман так сильны, что ничего не видно. Летор, увидев большое поле, выключает мотор. С 50 метров видим: это военное поле, предназначено для маневров, и все установ-

но барьерами. Но спуститься надо, только бы не попасть на барьеры или канавы!

7.20. Спустились и узнали, что аэродром находится рядом, не более как в 500 метрах.

Мы хотели заплести бензином и сейчас же лететь дальше, но дождь и гроза помешали нам, и мы остались до следующего утра в Ганноверера.

24.7.13. 5.00. Вылетели из Ганновера. Какая красота внизу! Словно облака в вышине предают деревню. Вот опять все исчезло. За нами восходящее солнце, которое бросает и на аппарат, и на облака свои лучи. Описать красоту это трудно. Еле надо видеть. Вот мой! Еле в нахожусь? Буквально в небесах. Вот уже 20 минут прошло, как мы летим над облаками. Когда я так долго вижу под собой облака, ста-

на этом запяса в бортовом журнале заканчивается... Позднее Галачикова записывает: Я приговорила к спуску и не всякий случай сняла очки. Перед самой землей аппарат повернулся. Летор и в лежке под машиной и не можем из-под нее выбраться. Меня вышвырнуло из моего сиденья и припрылок совсем плоско аппаратом к земле. Я не могла даже пошевелиться... Таким образом мы проехали минут десять, пока мы не помогли рабочие, которые сбавились и месту катастрофы. Мы узнали от них, что находимся в 100 километрах вправо от Парижа.

С грустью Летор и в сел в поезд и поехали в Париж, где встретили нас на вокзале репортеры французских газет и журналов.

Публикацию подготовил С. ВИШЕНКОВ.



# КАК СПАСЛИ «ИНФАНТУ МАРГАРИТУ»

### В эти дни человечество отмечает 325-летие со дня смерти гениального испанского художника XVII века Диего Веласкеса.

В музеях Советского Союза хранится несколько его работ. Они висят в залах в Ленинградском Государственном Эрмитаже, в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина и в Киевском Государственном музее западного и восточного искусства. Здесь, пожалуй, находится самое охраняемое и огутованное его сочинение — «Портрет инфанты Маргариты», младшей дочери испанского короля Филиппа IV. Картина является, по справедливому замечанию В. Кемениова, чудом владения искусством юности. Она широко известна и принадлежит к истинным шедеврам изобразительного искусства.

Киевская работа, вероятно, эскиз и большое портрету инфанты Маргариты, исполненному Веласкесом в 1680 году в музее в Мадриде. Как произведение попало в киевский музей? Из собрания известных киевских коллекционеров Б. и В. Хаенко. Картина была ими куплена в 1912 году в Гамбурге при распродаже с аукциона собрания Веласкеса. А в Веласкес она пришла от собирателя Коппаги, который в свою очередь приобрел ее в 1891 году у инфанта донна Себастьяна.

Появление «Инфанты Маргариты» в России было встречено с триумфом. Приведу лишь одно высказывание выдающегося художника М. Петрова: «Он писал и видел удивительную «Инфанту» Веласкеса, сделавшую бы честь и самому Эрмитажу. Рядом с ней, с великим искусством ее гениального автора, все кругом меркнет, как перед бриллиантом чистой воды — опунные стекла».

Портрет тщательно исследуют, устанавливая мельчайшие детали биографии как самой инфанты, так и не менее примечательной девочки, которую Веласкес своей кистью возвел на пьедестал вечности. Однако есть в судьбе произведения страница, почти неизвестная не только посетителям киевского музея, но и искусствоведам. А ведь связана она с самыми драматическими событиями, приключившимися с картиной за более чем трехсотлетнее ее существование. Чудом картина уцелела. И этим мирная культура обязана самоотверженности музейных работников, других по большей части неизвестных по именам людей, истинное служение которым «Инфанте Маргарите» в годы Великой Отечественной войны.

Именно об этом — письма, которые долго хранились в моем домашнем архиве. Получены они от человека, уже от нас ушедшего, человека замечательного — директора киевского Государственного музея западного и восточного искусства Василия Федоровича Овчинникова. Переписывался я с ним. Все хотели встретиться, поговорить о былом. Но как-то не получалось. Василий Федорович умер неожиданно. Осталось его письмо, устное, добродетельное, проникнутое светлым беспокойством о деле своем музейном, болью за урон, нанесенный музею вой-

отошел от берега и направился в Днепротровский. Стоял Василий Федорович в тесных вальмах на берегу. Прислушиваясь к диалогам бомбовых взрывов, и стрельбе зенитных орудий. Так и простоял до рассвета. Говорят, что наравен все же попал под бомбежку. Но капитан парохода умело увернулся от прямых попаданий, лишь осколком ударила по борту. Благополучно довел баржу до Днепротровска. Он так хотел бы узнать его имя!

Василий Федорович готовил и отправил в тая следующую партию картин. Но 10 июля его призвали в армию и отправили на фронт. Лишь много позже он узнал, что первые шесть картин с картинами, эвакуированные на барже в тая, оказались единственными. Больше ничего из музейных ценностей спасти не удалось.

Почему? На этот вопрос мне помогла ответить Ольга Михайловна Малащенко. Я с ней встретился в Керчи, где она встретила последние годы. Вот что она мне рассказала...

Ольга Михайловна окончила в 1934 году Киевский художественный институт, была рекомендована в аспирантуру. А по совместительству являлась научным сотрудником Музея западного и восточного искусства. Аспирантуру окончила за несколько дней до начала войны.



После ухода Овчинникова в армию Малащенко назначили исполнять обязанности директора. Пробывала Ольга Михайловна в этой должности всего несколько дней. Успела, как она мне говорила, «найти» приказ о сокращении штатов музея на 75 процентов, а еще согласно распоряжению Комитета по делам искусств отвести личные экспонаты второй очереди на пристань... Но она не успела попасть на последнюю баржу, уходившую из Киева. Осталась на берегу. Как только фашисты ворвались в Киев, в музей сразу же явились гестаповцы.

Некто доктор Винтер, специальный уполномоченный Гиммлера, потребовал отдать Портрет инфанты Маргариты Веласкеса и четыре иезуитские иконы. Когда гестаповцы поняли, что произведения искусства не удалось, они распустили слух, что, дескать, картины погибли...

Что же в действительности происходило с ними в то время? В Днепротровске музейные ящики погрузили в вагон и отправили в Уфу. Кто провозил их до места назначения? По некоторым сведениям, этим же иезуитом являлся ценное имущество Академии наук УССР, Союза писателей и Союза художников республики, семьи деятелей науки и культуры. Кто из организаторов эвакуации (большая ему благодарность) пристроил в отходивший поезд и лично с картинами. Наверняка не ведаю, что находилось в них.

В Уфе ящики перевезли в здание художественного музея, где они и оставались несколько военных лет. Ответственным за хранение художественных ценностей этого и других музеев Украины, эвакуированных в Уфу, назначили директора Киевской реставрационной мастерской Петра Ивановича Козлова.

В конце августа 1943 года Овчинникова внезапно отозвали с фронта в Москву. Ему предлагали немедленно отправиться в Уфу и лично удостовериться в полной целостности картин Музея западного и восточного искусства, некогда им отправленных из Киева. Оказалось, что у ряда ученых, в частности у академика Игоря Эммануиловича Грабаря, появились сомнения в их сохранности. Особенно картины Веласкеса и иезуитские иконы.

Василий Федорович прибыл в Уфу, раскопав ящики, просмотрел находившиеся в них полотна, доложил в Москву, что они находятся в идеальном состоянии. Вскоре он становится директором эвакуированных музейных фондов Украины. Ему же поручили проверку музеев в освобожденных от немецко-фашистских захватчиков городах республики. Чуть ли не с передовыми частями Советской Армии ходил он в каждую освобожденную город.

В родной Киев прибыл через шесть дней после того, как из него изгнали гитлеровских оккупантов. Горестно было видеть, как фашисты разграбили музей. Они разхитили все оставшиеся в нем экспонаты. Около 370 только одной картины. По некоторым данным спрятали их в старинном замке на территории Восточной Пруссии. Во время пожара замка они погибли. Хочу сразу предупредить, что эти сведения не подтверждены бесспорными документами или свидетельствами. Потому им и не верил Василий Федорович. Неделю, что бесценные полотна на то уцелели и в конце концов вернулись в музей, как возвратились те картины, которые он отправил в вынужденное кочевье 5 июля сорок первого года. Возвратились и теперь украшают музейные залы. Это и есть то изумительное «Портрет инфанты Маргариты» Веласкеса.

Граф КОНЧИН.  
ВЕЛАСКЕС, «Инфанта Маргарита».

## Паром выходит в рейс

Начались первые регулярные рейсы морского парома «Советский Казахстан» по маршруту Баку — Шевченко — Баку. Его построили в известном в нашей стране заводе «Красное Сормово» в Горьком. Судно водоизмещением около восьми тысяч тонн может брать в свой трюм 30 железнодорожных вагонов, переправлять десятки автомобилей с полуострова Мангышлак на западный берег Каспия. Решением переплыть море на новом парома «Советский Казахстан» пассажиры находят там уют и комфорт. К их услугам кафе, музыкальный салон, библиотека, комната матери и ребенка, волейбольная площадка, душевые.

И. РОДИОНОВ, ШЕВЧЕНКО.

## Тенишевская коллекция

Интересную книгу выпустило издательство «Советская Россия» — «Русское народное резное и распилное дерево» (из собрания Смоленского музея). Самые даусот предметы из знаменитой тенишевской коллекции в Смоленского областного музея-заповедника составили содержание монографии. Ее автор — сотрудник музея Л. Журалева рассказывает об истории создания М. Тенишевой художественного центра в Талашкино, о специфике музея. В монографии содержатся полные каталогические данные на все образцы, дополненные описанием экспонатов, сведениями об их реставрации, библиографическими данными.

И. КАМЕНЕВ, Смоленская область.



ФОТОКОНКУРС  
В. БЕЛКОВСКИЙ. На конкурсе шахматное.

## ШАХМАТЫ — Конкурс ведут знатоки

Три легкие фигуры равноценны ферзе, если они не разобьются.

Г. НАДАРЕЙШВИЛИ № 55



Ничья

Нетрудно представить себе «шершавое состояние» белого короля в этой безраздотной на вид позиции. Но автор этюда — заслуженный врач Грузинской ССР «выключил» его. Это было изящное возмездие. Надарейшвили возмездием добился после трудного рабочего дня. И вдруг, махнув хвост привычных мыслей, из памяти выплыла позиция, в которой шел много лет. Он избежал в квартире и, едва успев сбросить плащ, расставил фигуры на доске. А потом долго не верил своим глазам: почти пустынное поле боя, белые фигуры удалены от своего короля, но столь же удивительно не взаимодействуют. Искомая позиция как бы умалась жемчужной водой, отмеченная печатью новизны. Два держки коня оказывают стойкое сопротивление замкнутому ферзю!

Решая этюд, читатель может легко упустить главный смысл произведения: победа разума над грубой силой. Гроссмейстер шахматной композиции из Грузии взял на вооружение для своего этюдного творчества парадоксальный девиз «Глупость побеждает слабейшую». Подход к изобретению им этюдной темы Надарейшвили сформулировал еще в студенческие годы. И рассказывает об этом со свойственной ему образностью. Чтобы назвать изюминку скульптуры, надо от него отсечь лишнее. Это изобретение изобретения относится ко многим видам искусства. В шахматной композиции — это умение достичь цели минимальными средствами. Подсчитать все разветвления в содержательном и сложном шахматном этюде — занятие столь же безнадёжное, как попытка удержать серебряную луну в водах бурной реки...

Надарейшвили уже за шестьдесят, но он сохраняет немалые творческие возможности и молодеческую выработку, которую особенно ощущаешь при взгляде на его высокую, плечистую фигуру. Лицо у него резко очерченное, а глаза задумчивые, мечтательные. Он создал сотни превосходных этюдов и написал несколько книг о шахматной композиции, в том числе популярную «Изобретение этюда глазами гроссмейстера». Основа его таланта, отмечал М. Ботвинник, состоит в том, что он умеет отбросить лишнее, остротные идеи облекать в естественную, будничную форму.

Некоторые наши читатели с этюдами справляются труднее, чем с задачами. Чтобы подтянуть их к уровню более искусственных в шахматной игре любителей, мы публикуем программу авторских этюдов гроссмейстера. Основа его таланта, отмечал М. Ботвинник, состоит в том, что он умеет отбросить лишнее, остротные идеи облекать в естественную, будничную форму.

В. СЫЧЕВ № 56



Мат в 7 ходов

Тек и хочется сказать: семь раз отмерь, один раз отрежь... Чтобы добиться цели, лучше всего один шаг — словом или делом, надвигающимся пока делавшему от черного короля. Составитель задачи, стрелец по профессии из Минска.

## РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Наш адрес: 101484, ГСП-4, Москва, Новослободская улица, дом 73. Телефон для справок: 285-78-02. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24. Б 04083. 50126. Изд. № 2082.

# Доктор Каншин хмурился

Неприятное и грозное это слово «гноя». Гнойное воспаление гнойной полости унесло жизнь множества людей, в том числе и жизнь Александра Пушкина. Сегодня профессор Николай Николаевич Каншин уверен, что с грозным недугом, погубившим сына Пушкина, можно было справиться меньше чем за месяц.

Отделение гнойной хирургии, где работает профессор Н. Каншин, располагается в старинном корпусе бывшей Шереметьевской больницы, отмеченном нынче 175-летием своего существования. На фасаде корпуса установлена мемориальная доска с профилем профессора С. С. Юдина — замечательного советского хирурга, поразившего современников своим искусством, наставником и воспитателем. Сослуживцы утверждают, что Н. Н. Каншин — человек из рода С. С. Юдина. В том числе и трудностью характера. Не случайно ныне авторитеты медицинской науки не могут сдержать раздражения, когда говорят о Каншине. Чем не угодил хирург, работы которого широко известны не только в нашей стране, но и за рубежом?

Ветаны хирургии придерживались правила — «Гной должен получить отток, иначе он пойдет его сам». И потому веками врачи всех времен и народов стремились как можно шире открыть рану для оттока, вводя в нее

тампоны с различными лекарственными веществами. Но вот в 1979 году на одном из заседаний Московского хирургического общества профессор Н. Каншин твердо заявил: «Эпоха тампонов ведения ран — завершилась». Он имел право на такое заявление.

На тысячах больных были апробированы новые методы лечения воспалительных процессов. Раньше все хирурги раскрывали рану — Каншин стал ее наглухо зашивать. Большинство стремилось иссечь все омертвевшее, а с ним часто и здоровые ткани. Каншин посчитал это непрактичным. С помощью двухпростейшей силиконовой трубки своей конструкции, соединенной с компрессором для аквариума, передалемном им в электростимулятор, добивался от эффективного дренажа и быстрого заживления полости — без операций и неизбежных осложнений. Опыт показывает, что подобно мнению лишь основанный. На следующей же (страница 370) пишется другое: «В практике может быть рекомендована модификация данного метода, предложенная Н. Н. Каншиным и соавторами... Данная методика хорошо зарекомендовала себя при лечении послеоперационных гнойных ран, особенно после операций на органах брюшной полости. Однако расширение показаний и использование это-

го метода, по нашему мнению, нельзя, применение его при обширных гнойных ранах очень ограничено». Тем не менее на проходящем в 1980 году в Ярославле Всесоюзном симпозиуме ведущие хирурги признали «порочную практику» использования для дренирования гнойных ран марлевых тампонов и обычных резиновых трубок». Участники симпозиума рекомендовали внедрить в практику лечения гнойных ран метод, предложенный профессором Н. Каншиным. Но по-прежнему и в столичных, и в районных больницах чаще всего операционные раны закрываются по старинке.

Несколько лет назад Н. Каншин попросил создать коллективную государственную комиссию для оценки его метода и получения результатов. Его совете врачи и коммунисты не позволили ему сидеть и спокойно ждать, когда же новое пробьет себе дорогу. Его приобщения, применяемые при операциях на кишечнике, удостоенные Государственной премии СССР, используются только отдельными хирургами, а могли бы принести громадную пользу, так как больных, нуждающихся в подобной помощи, — тысячи. Одному из первых в мире Каншину удалось создать магнитное славяноязычное устройство для формирования кишечных анастомозов — этих

своеобразных обходных путей в организме. Зарубежные хирурги уже оценили оригинальность этой идеи. У нас же такие анастомозы накладывались только Н. Н. Каншиным. Н. Каншин и его помощники — хирурги — аспиранты — освоившие гноя специальными инструментами — уж слишком долго остаются доступными только его клинику. Государственная комиссия так и не была создана. Н. Каншину порекомендовали рассмотреть результаты клинических проверок на ученом совете Института им. Н. В. Склифосовского, где он работает, да направить свои статьи в хирургические журналы.

В клинику к Н. Каншину стремятся попасть люди, очажившиеся получить эффективную помощь в самых различных случаях. Звонят многою шифера из Бреста, Новосибирска, Уфы, привезли сюда разные люди, но заключения врачей были одинаковы: «Безнадёжен». Здесь они не только обрели надежду, но и с каждым днем чувствуют, как отступает грозная болезнь.

На двадцати койках, размещенных в старом, давно не ремонтированном здании, Н. Каншин и его помощники стремятся сделать все возможное, чтобы люди как можно скорее вернулись к полноценной жизни. У постелей больных — самодельные приборы. Многие из них придумали и собрали сам Каншин и его добровольные помощники. В большинстве это инженеры, конструкторы, технологи, токари, либо сами лечащиеся в этом отделении, либо их родственники.

Кабинет Николая Николаевича буквально завален различными приборами, схемами, конструкциями. Личная письменная работа забыта трубами и гайками, мотками проволоки и инструментами. «Вот новое программное устройство собираю... А это — инструмент для улаzenia плывов. И сопелание, единственной эксцентрик. Несколько лет не могу найти изготовителя. А это новое приспособление для операции на пищеводе...»

— Что ему еще надо? — с раздражением спросил у меня один из видных медицинских деятелей, когда я зашел к нему разговор о Каншине. — Профессор на изобретения больше сорона, есть ученики, аспиранты...

## ТРУДНАЯ СУДЬБА НОВОГО ХИРУРГИЧЕСКОГО МЕТОДА

Действительно, что надо Каншину? Хмурился его доброе лицо. С гневом и болью говорил он о том, что не может спокойно наблюдать, как проходит год, а люди, ответственные за внедрение достижений науки в практику, лежат в постели. «Все идет по плану», в то время как раздают больные, которых можно еще спасти.

Каншин настаивает, чтобы в любом хирургическом отделении любой больницы страны использовалось новое, прогрессивное в действии, приспособление. Каншину надо, чтобы не тупели годами ремонт его клиник. Ему надо, чтобы не требовались сотни различных согласований на опытный образец прибора, чтобы ученые имели возможность для экспериментов, чтобы не растягивались испытания на десятилетия.

Впрочем, разве только Каншину надо это? М. ЯРОВИНСКИЙ, кандидат медицинских наук.

От редакции

Нет сомнений, в науке судить специалистов. Вот почему, ставив своей задачей объективно представить того или иного хирургического метода. Суть в другом. Сегодня, когда так остро поставлены вопросы ускорения научного и технического прогресса, освоения всего нового и передового, должны быть исключены случаи, когда медленнее, чем хотелось бы, внедряются новейшие медицинские средства, методы, приборы и инструменты, которые эффективнее в лечении и равнодушнее, именно эту сторону дела мы хотим подчеркнуть данной публикацией.